

СЕГОДНЯ—АНШЛАГ. А ЗАВТРА?

ГАСТРОЛИ

В МОСКВЕ

АВГУСТ в столице «нетеатрален». Перед новым сезоном—затишье. В парках, концертных залах—эстрада, эстрада, эстрада... А те три-четыре местных и выездных театра, которым выпал жребий работать в Москве в августе, переходят обычно на облегченный, «летний» репертуар.

Хабаровский театр, дебютант на столичной сцене, привез в Москву десять спектаклей. Афиша вполне «зимняя»: «Царь Федор Иоаннович», «Король Лир», «Ярость», «Костер епископа», «Камешки на ладони», «Мать своих детей»...

Пойдет ли зритель? Август же: отпуска, каникулы, дачи. И театр никому неведомый. Из Хабаровска. Добро бы Ярославль или Саратов. Старые «театральные» города. А Хабаровск?..

Первый спектакль, который я увидел,— «Царь Федор». Аншлаги. Ну ладно, соскучились по трагедии... «Король Лир». Уже около метро спрашивают «лишний билетик». Впрочем, понятно, Шекспир... «Костер епископа» — аншлаги. «Ярость» — аншлаги. И даже на представлении драмы совсем неизвестного москвичам Валерия Шаврина «Семья Плахова» — полный зал. Значит, дело не в «заманчивых» названиях на афише, а в самом театре, в качестве спектаклей. Гораздо быстрее, чем развернулись критики и рецензенты, сработал беспроволочный зрительский «телеграф»: от соседа к соседу, от знакомого к знакомому: «Хороший театр».

...На «Царя Федора» я шел с некоторой опаской. В юности довелось видеть в заглавной роли Москвина и Хмелева. Не хотелось, как говорится, портить впечатление. Но вошел быстро и испуганно на сцену Федор — Михаил Храбров, произнес первую фразу: «Стреманный! Отчего конь подо мной вздыбился?», и сразу возникло в зале то особенное настроение, которое можно назвать предвкушением чуда. Уже первые, берущие за душу интонации обещали, что мы станем свидетелями высоких трагических взлетов.

И сейчас стоит перед глазами горестная тусклость фигуры несчастного самодержца. Понимает он, какой тяжелый груз лег на его плечи. Сознает пагубность для Руси боярских междоусобиц. Стремится всех помиловать, все сгладить. Но не может. Слаб. Бессилен. Только на короткие мгновения испытывает в нем яростная, испепеляющая мощь отца — грозного царя Ивана (знаменитое: «Кто я? Царь или не царь?» М. Храбров произносит сначала легко, без надрыва, просто спрашивает у самого себя: а кто же я такой, в самом деле? Потом, словно вспомнив, что он царь, повторяет эти слова с нарастающей гневной силой). Не забудется и финал спектакля. Жалкая, сломленная фигура царя Федора, его глаза, в которых застыли тягостное недоумение и растерянность перед людской несправедливостью и злобой...

Пять вечеров подряд провел я на спектаклях Хабаровского театра. И каждый вечер — новая встреча с М. Храбровым. Всегда неожиданная. И всегда радостная.

После Федора — Скрып в «Ярости» Е. Яновского. Бедолага-мужичонка в залатанных штанах. Голодный. Но не забытый. Знающий и свою силу, и свою правду. Удивительно достоверно, с подъемом и страстью сыграл М. Храбров Скрыпа. Следующий вечер — «Костер епископа» Шона О'Кейси. Отец Бокеро. Мыслитель и богоборец в черном одеянии священника. Если следовать старинному разделению на ампулы, то это типичный резонер. Он все время рассуждает и поучает. Однако это и есть самое интересное в спектакле: рассуждения отца Бокеро — Храброва. Актер показал редкое умение мыслить на сцене, доносить до зрителя напряженную внутреннюю жизнь человека.

Далее — Шут в «Короле Лире». И снова великолепная острота мысли, совершенство перевоплощения. И, наконец, пятый вечер. «Семья Плахова». Писатель Майский. Современный рефлексирующий интеллигент, с трудом освобождающийся от паутины, которой опутала его мешанка-жена. Здесь проявляются обаяние Храброва и его незаурядные комедийные возможности. Он несколько иронически относится к своему герою, не слишком всерьез принимает его переживания, и это помогает избежать дешевой мелодрамы.

Была бы: есть в театре талантливый «премьер», на нем все и держится. Остальное — антураж. В коллективе хабаровцев, к счастью, не так. Рядом с М. Храбровым — достойные партнеры. Это Н. Медведева, Р. Каненко, М. Барашкова, Е. Паевская, В. Калинин, А. Егоров, В. Шаврин, М. Седнев, Ю. Машков и другие.

ИТАК, из Хабаровска приехал театр высокого профессионального уровня. И это позволяет говорить о нем без всяких скидок на «провинцию».

Хорошо, что в гастрольном репертуаре почти нет легковесных и слабых пьес. Но интересная пьеса — это только возможность хорошего спектакля. Возможность, которую надо осуществить.

Хабаровцы первыми в нашей стране обратились к драматургии великого ирландца Шона О'Кейси. Само по себе это похвально. Но спектакль «Костер епископа» — огорчительная неудача театра. Шон О'Кейси — писатель сложный. В его пьесах причудливо сочетаются реализм и фантастика, обнаженная публицистичность и тонкий психологизм. Для О'Кейси, так же как, например, для Брехта, нужен особый «ключ». Увы, режиссер Я. Цициновский такого ключа не нашел, и спектакль получился разностильным и скучным.

Похвально, что у театра есть свой драматург — В. Шаврин, кстати, великолепный комедийный актер. Правда, бывает, что «своему» слишком многое прощается. Пусть схе-

матично, пусть поверхностно, зато наше, местное! В данном случае все обстоит сложнее. У пьесы «Семья Плахова» много достоинств: сценичность, сочный язык, «выигрышные» роли, в которых отлично чувствуют себя актеры Е. Паевская, Р. Каненко, Б. Гаврилин, П. Боржемская, М. Кацель. Но... она уязвима в главном — драматическое столкновение, которое движет действие, очень надуманно. Один из персонажей, Гайдар, говорит своему другу Плахову: «А вы чего боитесь? Бояться нечего». И в самом деле, бояться нечего. Но Плахов все же боится сказать своим взрослым детям, что они ему не родные, а присманные. Отсюда и весь сыр-бор. Конфликта явно не хватает на «полнометражную» пьесу.

В гастрольном репертуаре спектаклей, несомненно, удачных, кроме «Ярости», воссозданной Я. Цициновским как волнующая народная драма, или «Царя Федора» в постановке Л. Еремеева, больше, чем слабых. Но вот что настораживает: в каждом спектакле есть уязвимые места, есть «проваленные» или во всяком случае неточно сыгранные роли. В «Царе Федоре» — это Иван Петрович Шуйский (И. Веселяев), в «Ярости» — Глоба (М. Митин). Может быть, в этих ролях заняты просто плохие актеры? Нет. Тот же Митин органично и свежо сыграл Эдмонда в «Лире». Тогда, может быть, все дело в неверном распределении ролей?

И здесь мы неизбежно подходим к разговору о молодых артистах Хабаровского театра. В брошюре, изданной к гастрольям, приводится довольно длинный список молодых. Но, странное дело, писать о них почти нечего. Можно упомянуть лишь трех: тельного паренька Андрейку — В. Булгава в «Ярости» и скупых по материалу, но интересных по воплощению Петра и Нонку В. Ваксмана и Л. Костинникову в «Семье Плахова». Должен оговориться: я не в «Машеньку», где в заглавной роли — дающая актриса Г. Колокольцева.

Вот и все. В «Бедном Марате» играют тисты, которые, если верить той же брошюре, «успешно трудятся в театре в течение многих лет». И в других «молодых» — например, юной княжны Мстиславс «Федоре», Килин в «Костре епископа» ты «маститые»...

Так что среди проблем, которые приходится решать главному режиссеру Я. Цицинову, есть и такая: как сделать, чтобы театр занялся в театре более достойно?

У Хабаровского театра — хорошее будущее. От души хочется, чтобы у него еще лучшее будущее. А будущее — известно, молодежь.

Б. ЕВ